

изменение своего статуса — из незамужней (одинокой) она стала замужней (семейной). Правда, в последние десятилетия о вступлении в брак как женщины, так и мужчины, свидетельствует и ношение обручального кольца. Но это, очевидно, считается недостаточным.

Итак, в настоящее время большинство женщин, избирая ту или иную фамилию, исходят из соображений здравого смысла. А для бытового удобства в семье лучше иметь документы на одну фамилию. Поэтому при вступлении в брак супруги чаще всего берут общую фамилию, как правило фамилию мужа, что соответствует общерусской традиции.

Примечания

¹ Кодекс о браке и семье РСФСР. М., 1988. Статья № 18.

² Никонов В. А. География фамилий. М., 1988; *его же*. Имя и общество. М., 1974, и др.

³ *Его же*. Имя и общество. С. 161—162.

⁴ *Его же*. География фамилий. С. 29.

⁵ Это не исключает, конечно, наличия небольшого числа фамилий матронимичного происхождения (образовавшихся от женских имен). Например, Марьин — сын Марии или Машкин — сын Машки (т. е. Маши, Марии); Маринин — сын Марины; Дашкина — дочь Дашки (т. е. Даши, Дарьи); Татьяничев — внук Татьяны и т. д. Однако, как пишет В. А. Никонов, было бы неверным связывать все матронимичные фамилии с рождением детей вне брака. Большинство таких фамилий, безусловно, иного происхождения. Они могли появляться в семьях, где после смерти мужа вдова становилась хозяйкой, приняв на себя все заботы о семье и хозяйстве (например, Вдовины). В сравнительно редких случаях жена могла главенствовать в семье и при живом муже. Ведь не случайно же возникла поговорка «муж находится под башмаком», т. е. под главенством жены (Никонов В. А. Имя и общество. С. 199).

⁶ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. Кн. 1. О правах и обязанностях семейственных. Гл. 4. О правах и обязанностях от супружества возникающих. Отделение 1 — О личных правах. СПб., 1857. С. 22. Ст. 106—107.

⁷ Там же. Ст. 107.

⁸ Временное рабочее и крестьянское правительство. 20 декабря 1917 г., № 52; Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1950. С. 53—60.

⁹ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3. С. 3—20.

¹⁰ Никонов В. А. Имя и общество. С. 230—232.

© 1991 г., СЭ, № 6

М. Г. Кондратьев

О ЧУВАШСКО-ТАТАРСКИХ ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ (введение в проблематику)

В Волжско-Уральской историко-этнографической области (ИЭО) длительное время сосуществуют музыкальные культуры нескольких народов. Они и различны и многими нитями связаны друг с другом. Взаимоотношения этих культур — серьезнейшая научная проблема, в перспективе — одна из центральных для этномусиковедения региона. В Волжско-Уральской ИЭО эта отрасль исследований сравнительно молода. Здесь не пройдена еще стадия первичного эмпирического описания музыкально-поэтических систем того или иного этноса или субэтноса вне связи с их историей и комплексом уже накопленных знаний. Именно об этой стадии изучения местных (диалектных) музыкальных стилей современных этносов ИЭО идет речь в книге М. Н. Нигмедзянова: «Изучение татар-мишар пока не дает материала для обобщений, оно скорее переживает период накопления фактов, исследования частных проблем. Поэтому и мы в настоящем разделе работы рассматриваем традиционную музыку татар-мишар прежде всего на основе изучения фактического музыкального материала, не уводя его с данными другими науками»¹.

Практически так же обстоит дело и в чувашском этномузыковедении, занимающемся пока в основном простым описанием материала, порой вновь открываемого. Таков, например, пласт музыкального фольклора низовых чувашей-анатри, введенный в научный оборот в изданиях 1981—1982 гг.

Региональное этномузыковедение только сейчас приближается к уровню, достаточному для подключения к междисциплинарным этногенетическим дискуссиям, давно ведущимся лингвистами, археологами, этнографами, антропологами.

Музыкальный материал исследователи сегодня только начинают связывать с данными других наук, чаще всего иллюстрируя существующие этногенетические концепции².

При всей важности указанных работ, следует сказать, что они не исчерпывают возможностей самого этномузыковедения. В каждой народоведческой дисциплине формируются свои представления. Наряду с объективным знанием здесь оказываются необходимыми и гипотезы, порой не стыкующиеся с представлениями смежных наук.

В вопросах этногенеза (а в любых народоведческих дисциплинах они составляют одну из важнейших целей исследования; это заветная цель и этномузыковедения народов региона³) нашей науке еще предстоит пройти свой путь, т. е. самостоятельно выработать на собственном материале подходы и концепции, чтобы включиться в общую дискуссию.

Уже сейчас появляется возможность отбирать из многих существующих точек зрения на историю народов региона наиболее соответствующие музыкально-этнографическому материалу; одни он подкрепляет и развивает, другие помогает опровергать. Укажем в качестве примера исследование Н. Ю. Альмеевой, рассматривающей под новым углом зрения обрядово-жанровую систему татарского фольклора⁴. Еще более значительно в этнологическом плане ее утверждение, что «по признаку музыкального фольклора кряшены выделяются в своеобразный субэтнос татарского народа⁵, в то время как этнографы продолжают рассматривать их как христианизированную часть других — «основных» — этнических групп (казанских татар, мишарей, иногда также касимовцев).

Выход этномузыковедения на новый уровень немаловажен без расширения сравнительных исследований. В настоящее время попытки обрисовать основные особенности некоторых музыкальных культур на общерегиональном фоне приняты только в работах Ласло Викара, ученика и последователя З. Кодай⁶. В самом Волжско-Уральском регионе этномузыковедение, не имеющее пока сопоставимых с венгерской школой научных традиций, лишь приступает к сравнительным исследованиям. Появились первые статьи с анализом связей отдельных пар культур: татарской и башкирской, марийской и татарской-кряшенской, чувашской и марийской, чувашской и удмуртской⁷.

В плотном, изрядно запутанном клубке межнациональных культурных связей Волжско-Уральской ИЭО чувашско-татарские параллели представляются одной из важнейших нитей, ведущих к прояснению общерегиональной картины. В настоящей статье, не претендующей на создание новой этногенетической концепции, мы делаем попытку логически непротиворечиво выстроить имеющиеся на сегодня данные об этномузыкальных параллелях у чувашей и татар, подкрепив наше построение некоторыми сведениями из арсенала смежных исторических дисциплин; при этом оговариваются наиболее ощутимые неувязки и спорные моменты. Думается, в обрисованной ситуации вполне объяснимо, почему за пределами нашего материала мы не считаем возможным вступать в прямые дискуссии.

Мы, естественно, отдаем себе отчет, что выделение только одной пары культур — лишь промежуточный этап познания всей системы отношений, сложившихся в музыкальных культурах ИЭО. Подобная методика неизбежно ограничивает поле зрения исследователя. Например, следы внешних взаимодействий в изучаемых родственных культурах могут мало различаться между собой. Поэтому при анализе только чувашско-татарских параллелей невозможно увидеть какие-либо финно-угорские или славянские компоненты, органично вошедшие в эти этнические культуры.

Неполнота сегодняшних этномузыковедческих представлений неизбежна. Это обязывает к сугубой осмотрительности при попытках определить какие-либо

музыкально-стилевые явления как «индивидуально-этнические» или «коренные» в той или иной культуре⁸ или как заимствованные одной культурой у другой⁹. При обрисованном состоянии музыкальной компаративистики региона столь однозначные определения представляются преждевременными.

«Пути этногенеза казанских татар в основных чертах были теми же, что и пути чувашского этногенеза», — пишет археолог П. Н. Третьяков, опираясь на работы этнографов, антропологов, лингвистов¹⁰. История не раз сводила вместе предков двух народов, например в составе тюркоязычных пришельцев в Волго-Камье.

Наличие древнейшего общего этнического субстрата признают, кажется, все ученые. «Современные волжские татары и чувашаи, — говорит, например, М. З. Закиев, — являются родственными народами, ибо в ходе исторического развития в состав и тех и других вошли суасы»¹¹. Расхождения начинаются с оценки значимости в булгарской культуре этого племени, чье название дошло до нас не только в письменных источниках, но отложилось в марийском названии как татар, так и чувашей (трансформировавшись в современный этноним «чувашаи»). Есть различия и в определении происхождения суасов и выявлении их отношения к племени суазов/суваров, сыгравших большую роль в истории.

Этот общий этногенетический субстрат был существенным, но не единственным компонентом в процессе сложения будущих народов. Он дополнялся пластами из ассимилируемых местных финно-угорских и периодически проникавших сюда иных кочевых культур. Первые, по всей вероятности, в равной степени вливались в оба будущих этноса¹², вторые — преимущественно в татарский*.

Общепринята точка зрения, что среди тюркоязычных племен Булгарии X—XIII вв. проходили интенсивные процессы стирания племенных различий. «С упрочением государства, с определением его территории и границ, с усилением внутренних экономических связей и с распространением на всей территории расселения тюркоязычных племен единой культуры и общего языка складываются все предпосылки для консолидации всех этих племен в единую булгарскую народность»¹³.

Отсюда логически вытекает и предположение, что лишь монголо-татарское нашествие прервало этот естественный процесс, направив его по разным руслам. Сформулировал это предположение в виде вопроса тот же Третьяков: «Устанавливая значительную общность этногенетических судеб чувашского и татарского народов, необходимо ответить и на другой вопрос: как следует объяснять различия между этими народами, почему в области Волго-Камья на месте Булгарского государства сложилось не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский?». Культурное наследие болгар, считает он, «очевидно... является таким же общим достоянием обоих народов, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов»¹⁴.

Сказанное позволяет говорить о сходных, однотипных взаимоотношениях предков чувашей и татар с их соседями в этот период. Переселившись в Среднее Поволжье, булгаро-суварские племена становятся здесь доминирующей военной и политической силой, а в образовавшемся в IX—X вв. государстве их язык играет роль государственного¹⁵. Их влияние на культуры окружающих автохтонных племен оказалось многосторонним, глубоким и долговременным. Веками шли миграционные и ассимиляционные процессы, в результате которых сформировались современные народы региона. Татары и чувашаи сохранили в нем коли-

* О роли кочевых (степных) культур в этногенезе татарского народа и отношении к ним чувашей пишет этнограф Н. И. Воробьев: «В то время, когда булгарское население, оставшееся на левобережье (Волги. — М. К.), продолжало изменяться в сторону усиления в его быту и языке степных форм, население правобережья (особенно отошедшее далеко от Волги) начиная с XIII в., более тесно сближалось с лесными аборигенами правобережья и постепенно формировалось в ту народность, которая носит наименование чуваш» (Воробьев Н. И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 79). Волны миграций кыпчакоязычных (т. е. близких по языку татарам, но не чувашам) кочевников наблюдались и позднее. Считается, что «появляющиеся с юга пришельцы, если и были кочевниками, то в неудобном для кочевничества лесном крае (Поволжье. — М. К.) они быстро переходили на оседлость» (Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 58). Тем не менее, следы традиций кочевого происхождения в быту татарского народа отмечаются всеми исследователями.

чественное преобладание (если не считать массы русских, переселившихся сюда с XVI в.). В свое время и на фоне всей Российской империи они занимали заметное место: еще в начале XVIII в. по численности татары были на пятом, чуваши — на шестом месте¹⁶.

Этимологический анализ лексики в области духовной культуры в языках региона показывается, по словам Р. Г. Ахметьянова, «что почти все эти общие слова распространились через татарский и древнетатарский (древнеповолжско-кыпчакский), чувашский, древнечувашский и булгарский языки. Заимствования из финно-угорских языков в тюркские количественно незначительны... и они распространились сравнительно поздно»¹⁷. Отмеченная выше закономерность отражает роль обоих этносов в этнокультурных процессах региона.

В свете сказанного естественно возникает и предположение об аналогичном значении музыкальной культуры тюркоязычных этносов начиная с булгарской эпохи и позднее. Об этом говорят приведенные ниже данные. В разнообразных взаимодействиях финно-угорских и тюркских культур региона некоторые явления, как считается, возникли в результате влияния последних. В том числе такая существеннейшая характеристика всех музыкальных культур рассматриваемой ИЭО, как ангемитонно-пентатоническая ладовая система, в наиболее развитых формах присущая тюркоязычным народам — башкирам, татарам и чувашам. По этому поводу Л. Викар высказывается весьма определенно: «Поскольку различные тюркские народы [nations] оказали сильное влияние на своих финно-угорских соседей в течение прошедших веков, пентатоничность получила также широкое распространение среди последних. Это подтверждается множеством пентатонических мелодий в мариийской и удмуртской народной музыке»¹⁸. Здесь следует вспомнить и о народно-песенном приеме так называемого психологического (поэтического) параллелизма, у тюркских народов имеющего жестко канонизированные формы, который проник в песни южных удмуртов. Другой факт — распространение у той же группы удмуртов, а также у восточных мари тюркской многослоговой песенной формы. Названные явления, равно характерные и для чувашей и для волжских татар, не зависят от их основного — конфессионального — различия. Видимо, следует обратить внимание на то, что у чувашей в более определенном по сравнению с соседними народами виде сохранились структурные каноны как поэтического параллелизма, так и многосложника. Неразрушенность и устойчивость форм может свидетельствовать о чистоте традиции и о ее исторической глубине. Это, вероятно, свидетельствует о контактах финно-угров и с чувашами, и с татарами, тем более что территориально все эти народы соприкасались в разные периоды своей истории.

Разумеется, сами по себе названные факты фольклорных взаимодействий не обязательно относятся к домонгольскому времени. Тогда только начался этот процесс, не прерывающийся более тысячелетия.

Основные линии размежевания будущих татарского и чувашского народов в послемонгольское время были не племенными, а скорее этнокультурными или социальными. Это древнее язычество болгар и принятое уже в Поволжье мусульманство; исконные традиции крестьянства и быстро развивавшаяся культура городов (в том числе вбиравшая в себя среднеазиатские элементы); культура оседлого земледелия и культура кочевничества; язык хазарско-булгарский и язык кыпчакский.

Именно названные выше моменты выделяют исследователи, размышляя об особенностях волжских тюрков. Например, акад. В. В. Бартольд писал, что чувашы, «очевидно, могут происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей болгарского народа, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой»; или, в другом месте, о лингвистических особенностях болгар и хазар (а впоследствии и чувашей), говоривших на одном и том же языке, непонятном ни для турок [тюрков — М. К.], ни для финнов; по всей вероятности ... язык, сохранившийся теперь только у чувашей¹⁹.

В последующий период чувашы еще не фигурируют в письменных источниках самостоятельно, выступая под совокупным этнонимом «волжских болгары», а отчасти, вероятно, и под именем «черемисы», а ранее XIV в. — под названием «болгары» и «сувары» («сувазы»²⁰). Этноним же «татары» употребляется глав-

ным образом по отношению к монгольским завоевателям края и пришедшим с ними кыпчакам, т. е. к основному населению Золотой Орды. Лишь с XVI в., периода присоединения к Русскому государству, начинают употребляться современные наименования народов. Но до окончательного закрепления этих этнонимов (XVII—XVIII вв.) возможны были случаи, когда татары выступали под именем «чуваши», чувашаи же — под именем «татары»²¹. Существует точка зрения, что вплоть до XVIII в. — времени значительной активизации мусульманства, глубоко проникшего в самую крестьянскую массу татар, этнокультурные различия между ними и чувашами, еще не затронутыми массовой христианизацией были не столь значительны, как сегодня. Например, об этом говорил на сессии по этногенезу казанских татар С. П. Толстов: «Когда мы берем изображения татар в XVIII веке, они дают нам нечто гораздо более похожее на современную чувашскую одежду, чем та, которую мы наблюдаем в XIX веке. В быт XIX—XX века, когда между татарским народом и среднеазиатскими народами создаются очень тесные экономические отношения, вносится новый пласт среднеазиатского влияния. Очень многое из того, что сейчас создает специфический оттенок культуры казанских татар, резко отличающий их от чувашей, сложилось совсем недавно. Очевидно, аналогичный процесс мы имеем и в языке»²².

Труднее судить о реалиях музыки, которые в ту эпоху еще просто не фиксировались. Тем не менее параллельные изменения в народном музыкальном творчестве подразумевает и М. Н. Нигмедзянов, когда говорит, что в истории народной музыки татар «процесс обновления фольклора в предыдущие сто лет [имеется в виду XIX в. — М. К.] был, пожалуй, наиболее интенсивным»²³. В этом контексте любопытны и следующие факты. Именно к XVIII в. относятся сведения о названиях татарских народных музыкальных инструментов, полностью идентичных чувашским, впоследствии же у татар исчезнувших: татар. *кобуз*, *кубыз* как название струнного смычкового инструмента — чуваш. *копăс*, *купăс* (уже в XIX в. это слово у татар обозначало *варган*²⁴), или загадочный для татарского музыковеда духовой инструмент *сурнай*, *сорнай*. М. Н. Нигмедзянов подвергает сомнению сообщение акад. Миллера о «татарской волынке, которая по-татарски называется сурнай, по-черемисски шюббер, по-чувашски шипюр». «Не вполне ясно, что имел в виду Г. Миллер, говоря о сурнае...», — пишет он и чуть ниже повторяет: «Не вполне еще ясно, бытовала ли среди казанских татар волынка (или зурна) в XVIII веке»²⁵. У чувашей до XX в. дожил инструмент *сарнай*, впервые упомянутый С. М. Михайловым в 1854 г. наряду с *шăпăр'ом*. Кроме старинных пузырей *шибыр*, пишет он, «в прежние времена употреблялись у чуваш... и огромные пузыри из телячьих шкур со стволами особенного устройства, называемые *сурме*. Такие пузыри и теперь в употреблении у низовых чуваш»²⁶. Следовательно, допустимо предположение, что Миллер мог встретить у татар инструмент, аналогичный чувашскому и также сходно именовавшийся. Аналогию даст и бытование шлемовидных гуслей (татар. *гослэ*, чув. *кёсле*), сохранившихся у татар-кряшен, в то время как в быту мусульманизированных татар они неизвестны. У чувашей же они распространены повсеместно.

С середины XIX в. региональный «статус» мусульманства, татарской культуры и языка все более повышается, их влияние на соседящие народы вновь значительно усиливается. Поддавшиеся исламизации чувашаи, а также мари и удмурты переходят на язык носителей веры (татарский), со временем полностью «отатариваясь». Среди неисламизированного населения, живущего рядом с татарским, отдельные элементы культуры татар также становятся престижными, свидетельством чему служат этнографические данные о музыкальном быте чувашей конца прошлого века. «Каждый чувашин знал почти столько же татарских песен, сколько своих чувашских», — сообщает С. В. Чичериной корреспондент из с. Рунга Симбирского уезда. То же вспоминает о своих земляках Чистопольского уезда Казанской губернии Никифор Охотников²⁷. Следы этого влияния видны и в современной культуре чувашей Приуралья. Таким образом, начиная с XVIII в. картина чувашско-татарских этнокультурных связей осложняется взаимопроникновением новых ценностей, большей частью татарских к чувашам, но в некоторых случаях и наоборот. На примере языка эти явления анализирует Р. Г. Ахметьянов, в музыке же их еще предстоит выявлять.

Сегодня нет нужды доказывать, что чуваша и татары — это разные народы с развитым национальным самосознанием и культурными традициями. Помимо языка заметны различия, связанные с конфессиональным статусом. Чуваша, сравнительно поздно подвергшиеся христианизации (часть их так и осталась некрещеной), сохранили в быту и мировоззрении явные следы своей древней народной религии. Пришедшее в Поволжье в IX—X вв. мусульманство нашло почву и укоренилось у татар.

Многое роднит эти народы. Обе их культуры, принадлежа к тюркоязычному миру, являются в нем маргинальными, особенно чувашская (татарская же — в чертах, близких к чувашам). В современной классификации тюркских языков чувашский — единственный живой представитель болгарской группы. Татарский же (вместе с башкирским) представляет кыпчакско-болгарскую подгруппу ее западнохунской ветви. Для чувашей волжские татары сегодня — самый близкий народ не только по языку и территориально, но и по многим особенностям культуры и быта. Для татар, имеющих через язык и религию более широкие связи во внешнем мире, чуваша тем не менее дают весьма близкие параллели, особенно интересные в тех сферах культуры, где на бытовом уровне сохранились доисламские черты. Эти сферы служат предметом повышенного внимания в фольклористике, ибо несут информацию о наиболее древних слоях культуры предков народа. Многосторонность связей культур нередко побуждает исследователей обращать внимание на очевидные параллели даже без специальной задачи сравнения, просто в качестве дополнительных аргументов. Примеры подобного рода содержатся и в работах музыкантов-фольклористов. В частности, М. Н. Нигмедзянов считает, что выводы исследования В. А. Мошковым «звукоряда чувашских напевов ... важны для изучения татарской музыки». Рассматривая ритмику татарской народной песни, он же вступает в полемический диалог с работой чувашского музыковеда, отстаивая тем самым необходимость одинакового подхода к явлениям обеих культур, что подразумевает большую близость их музыкальных систем²⁸. Исследуя татарский музыкальный фольклор, А. Х. Абдуллин, Р. А. Исхакова-Вамба обращаются к чувашскому материалу²⁹. Со своей стороны, и чувашские фольклористы постоянно держат в поле зрения татарский материал, упоминая о нем по разным поводам, чаще всего устанавливая сходство тех или иных черт низовой чувашской песни и татарской. Из музыкально-стилевых параллелей в последнее время особо отмечались параллели музыкально-поэтических форм и ритма³⁰.

Таким образом, на сегодня известны достаточно разнообразные, но не систематизированные факты совпадений, например: 1) обе культуры основаны на ладах ангемитонно-пентатонической системы; 2) в ритмической организации основой является квантитативность, проявляющаяся в сходных формах; 3) имеются сходные явления в области слоговой, строфической структуры стиха, музыкальных форм, сюжетики песен, инструментария, жанровой структуры, народной терминологии; 4) в чувашской музыке наибольшей близостью к татарской отличается музыка этнографической группы анатри; в меньшей степени — также средненизовых анат енчи; 5) в татарской музыке наибольшей близостью к чувашской отмечена музыка группы кряшен.

Но, разумеется, такие частные упоминания и даже более общие экскурсы «мимоходом» не обязывали их авторов к сколько-нибудь развернутой аргументации и не могли заменить специальных сравнительных этномузыковедческих работ. Их необходимость наглядно иллюстрируется при сопоставлении результатов новых исследований жанровой структуры татарской и чувашской народной песни. Например, подробно разработанная Н. Ю. Альмеевой жанровая система татарско-кряшенской народной песни, впервые представляемая как целое, оказывается гораздо более близкой к чувашской, нежели жанровые системы других этнических групп татар. Практически полные совпадения прослеживаются не только на уровне родовых членений, но и во многих частностях. Основные рубрики предлагаемых ниже таблиц воспроизводят таблицы жанров кряшен Н. Ю. Альмеевой³¹ с добавлением сведений о жанрах чувашей. Здесь использованы частично и другие источники по кряшенам. Так проясняется сфера, где в первую очередь следует искать следы древней субстратной общности в культурах татар и чувашей. Это остатки языческой обрядовой земледельческой фоль-

Приуроченные напевы

Календарный цикл			Семейно-обрядовый цикл		
Кряшены	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина	Кряшены	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина
Нардуган кее	нартукан юрри сурхури юрри	Песни праздника зимнего солнцестояния		ача сурална [✓] чух юрлана [✓] юра [✓] сапка юрри туй юрри херсум юрри	Песни родильных обрядов Колыбельные песни Свадебные песни Песни проводов невесты Оплакивание невесты Плач невесты Песни сватов (новой родни)
(раштыва) * жезек салу кее	раштав юрри сере яна чух юрлана юра кашарни юрри саварни юрри	Рождественские песни Песни-гадания на кольцах	туй кее кызны озату кыз елату	хер йерри таварна юрри	
кышкы май кее		Крещенские песни Песни проводов зимы (масленицы), песни катания	кодалар кее		
катайса кее (олы кэн)	катачки юрри манкун юрри	Песни праздника весеннего равноденствия, пасхи	солдат озату кее	сене [✓] хата [✓] юрри салтак юрри	Песни рекрутов
сэрэн кее (сабантуй) (чук, карга боткасы)	сэрен юрри (акатуй) (чук, сумар чукё [✓])	Песни очистительного обряда Праздник перед пахотой Жертвоприношения и моления о дожде	никрут кее кодалар кее мэжлес кее	никрут юрри ёскё [✓] юрри	Песни гостевого обряда
тручын, тройсын кее (семик) (джиен) тугэрэк уен	(труйски) симек юрри (пуха, тапа) уяв, вайя юрри	Троицкие песни	кунак кее рэт кее эртил кее уле саклау кее тугем кее	хана юрри (ерет) саса [✓] каларни пумилкке юрри	Похоронные причитания Поминальные песни
кее питрау кее	питрав юрри керхи сара юрри хер сари юрри	Песни Петрова дня Песни «нового пива» (урожая) Песни зимнего девичьего праздника	искэ алу	юпа юрри (асану юрри)	

Необрядовые напевы

сезонные

Кряшены	Чуваши	Обстоятельства функционирования, значение термина
печэн кее	утаси юрри варман юрри	Сенокосные песни
емэ кее	ниме юрри	Помочанские песни
тула басу кое (аулак)	тала пусакансен юрри улах юрри	Песни при изготовлении сермяги Посиделочные песни

Необрядовые напевы

различные

Кряшены	Чуваши	Значение термина
бэет	пейёт	Байт, повествование о каком-либо печальном событии
озын кей	варам юра	Здесь: «сюжетная песня» (у чувашей совпадает с пейёт)
такмак	такмак	Плясовые припевки
урам кее	урам юрри	Уличные песни
уен кее	самраксен	Молодежные
«ауыл» кее	юрри	«деревенские» напевы

В скобках указаны названия обрядов и праздников, музыка к которым не зафиксирована и не встречается в современной народной «номенклатуре» песен.

клорной традиции. В татарской народной музыке они сохранены в основном кряшенами, не попавшими под мощное нивелирующее воздействие ислама в последние века, у чувашей — во всех этнических группах относительно равномерно.

Изучая ранее некоторые аспекты этномызыкальных связей чувашей с финно-угорскими народами, мы не испытывали потребности особо оговаривать характер этих параллелей. И так было ясно, что большинство из них имеют контактное происхождение, а некоторые (например, в жанровой циклизации, в инструментари), возможно, и типологические схождения. В музыкально-стилевых же системах этнических групп финно-угров, мало контактировавших с чувашами (например, северные удмурты, мордва-мокша, луговые марийцы, не говоря о более отдаленных коми и т. д.), различия настолько велики (Ласло Викар говорит об их фундаментальном характере: «Музыкальное мышление чувашей и финно-угорских народов фундаментально различается»³²), что вопрос о генетическом родстве этномызыкальных материалов чувашей (кроме верховых) и финно-угров просто не возникает.

Исходная контрастность чувашской и финно-угорских (рассматриваемых в широком общенациональном плане) фольклорно-музыкальных культур в известной мере облегчает задачу их сравнительного исследования, поскольку с большей долей достоверности можно разграничить многие явления и указать их истоки. Это становится понятным при обращении к чувашско-татарским этномызыкальным параллелям. Последние охватывают гораздо больший массив фольклорных явлений как в смысле широты и многосторонности связей, так и в смысле исторической глубины затрагиваемых ими пластов. Наряду с бесспорно контактными и типологическими видами связей здесь обнаруживаются и генетические. К таковым, несомненно, относятся чувашско-кряшенские жанровые параллели.

При рассмотрении картины чувашско-татарских этномызыкальных параллелей мы предлагаем исходить из общих представлений, что совпадающие музыкально-фольклорные явления могут относиться:

а) наиболее архаические — к генетически общему субстратному слою культур. Он сложен, многокомпонентен сам по себе. Культура булгаро-суварских племен включала в себя кроме тюркских древнейшие финно-угорские и сармато-аланские (иранские) элементы;

б) менее архаичные, но достаточно древние — к финно-угорскому слою, образовавшемуся уже на территории Волжской Булгарии в результате контактных взаимодействий и ассимиляций автохтонов пришельцами;

в) в приблизительно равных условиях для чувашей и татар могли также происходить и взаимодействия со славянами — редкие в болгарские времена, постоянные и усиливающиеся после присоединения к Русскому государству. Если в старых слоях традиционной музыкальной культуры их следы незначительны, то в поздней фольклорной лирике они очевидны;

г) наконец, к слою позднейших взаимных влияний. В чувашской культуре к таковым относятся, например, уже упоминавшиеся следы контактов в Приуралье; в татарской культуре они не изучались.

Не совпадающие в чувашской и татарской народной музыке явления могут иметь также довольно широкий спектр исторических связей. Они могут относиться и ко всем перечисленным слоям культур и, кроме того, к кыпчакским элементам, вливающимся в разное время в татарскую культуру, но почти не затронувшим чувашскую;

элементам книжно-мусульманского происхождения, восходящим к среднеазиатским влияниям на исламизированное население Поволжья, от которого чувашки опять-таки были свободны;

элементам местного происхождения, развивавшимся в условиях городского быта, связанным с торговлей, ремеслами, отходничеством, гораздо более характерным для татар, нежели для чувашей, оставшихся в подавляющем большинстве сельскими жителями.

Открывающаяся возможность подходов к этноисторической стратификации музыкального фольклора ценна сама по себе. Особый же интерес как для чувашской, так и для татарской фольклористики представляет возможность вычленения в сопоставляемых материалах субстратных явлений.

Такое вычленение позволит осветить особенности древних этапов развития музыкальных культур. На недостаточность данных о татарском фольклоре древнего периода и необходимость его реконструкции постоянно указывают исследователи татарской культуры. Несколько иными видятся задачи чувашских фольклористов, имеющих в своем распоряжении достаточно богатые материалы архаического происхождения. Если татарским фольклористам удается с большим или меньшим успехом проводить периодизацию своих материалов, относя происхождение тех или иных жанров и форм к эпохам домонгольской, золотоордынской, казанско-ханской или же поздней, то материалы традиционного чувашского музыкального фольклора, кроме позднейшей лирики, до сих пор предстают в виде нерасчлененного монолита. Было бы, очевидно, наивно полагать, что все его содержимое однозначно восходит к булгарско-суварской эпохе и не претерпело за 1000 лет изменений: влияний, наслоений, разрушений каких-то компонентов. Путь к познанию исторической динамики этого монолита тот же, что сформулирован татарским ученым по отношению к своим задачам, — через «сравнительное изучение древних жанров музыкального творчества татар, мари, русских, чувашей и других народов в тесной связи с их историческими судьбами»³² А среди связей этих народов чувашско-татарские, как уже говорилось, важнейшие.

Примечания

¹ Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. М., 1982. С. 87.

² Кондратьев М. Г. О некоторых параллелях между чувашскими и мариjsкими народными песнями // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980. С. 276—286; Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. Казань, 1984. С. 22—40.

³ Земцовский И. И. Кыпчаки и булгары в евразийской музыкальной культуре (Музыка в этнической истории) // Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики. Материалы научного семинара. Астрахань, 1989. С. 34.

⁴ Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-кряшен: жанровая система и многоголосие: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1986.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Vikar L., Bereczki G. Cheremis Folksongs. Budapest, 1971. Vikar L., Bereczki G. Chuvash Folksongs. Budapest, 1979. Vikar L., Bereczki G. Votyak Folksongs. Budapest, 1989.

⁷ Исхакова-Вамба Р. А. О взаимосвязях татарской и башкирской народно-песенных культур // Вопросы истории, теории музыки и музыкального воспитания. Сб. 2. Казань, 1972. С. 3—37; Герасимов О. М. К постановке вопроса об этномызыкальных связях слабужских мари и кряшен // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980. С. 267—275; Кондратьев М. Г. Проявления квантитативности в ритмике марийских и чувашских народных песен // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья. Йошкар-Ола, 1988. С. 69—80; Кондратьев М. Г. О чувашско-удмуртских этномызыкальных параллелях // Этническая культура чувашей (Вопросы генезиса и эволюции). Чебоксары, 1990. С. 72—104.

⁸ Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. С. 23, 123.

⁹ Исхакова-Вамба Р. А. Указ. раб.

¹⁰ Третьяков П. Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Сов. этнография. 1950. № 3. С. 51.

¹¹ Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С. 54.

¹² Особо следует говорить о роли предков горных мари в сложении этнической группы чувашей-вирьялов. В процессе этнического смешения, начавшегося с IX в. в Северо-Западной Чувашии, лингвистические «взяли верх» чувашаи, сохранив вместе с языком этническое самосознание, в музыкальном же стиле, как и в костюме и орнаментальном искусстве вирьялов, финно-угорские черты порой преобладают, давая основание говорить о генетических связях. Столь значительный финно-угорский компонент, рассматриваемый в отрыве от конкретного исторического и этнического контекста (в чувашской культуре в целом), нередко давал повод для утверждения так называемой автохтонной теории происхождения народа.

¹³ История Татарской АССР. Казань, 1980. С. 21; см. также: История Чувашской АССР. Т. I. Чебоксары, 1983. С. 35.

¹⁴ Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 51.

¹⁵ Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (Фонетика и лексика). М., 1978. С. 217.

¹⁶ Иванов В. П. Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 14.

¹⁷ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С. 129.

¹⁸ Vikar L., Bereczki G. Chuvash Folksongs. Budapest, 1979. P. 42 (пер. наш. — М. К.).

¹⁹ Бартольд В. В. Болгары // Бартольд В. В. Соч. М., 1968. Т. V. С. 520; его же. История туецко-монгольских народов // Там же. С. 204.

²⁰ Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары, 1986. С. 14.

²¹ Закиев М. З. Указ. раб. С. 50—52; Магницкий В. К. Нечто о чувашах, татарах и мишарях (мещера, мещеряки, «можары») // Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Сб. III. Нижний Новгород, 1898. С. 38.

²² Толстов С. П. Выступление на сессии // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 136.

²³ Нигъмэтжанов М. Татар халык жырлары. Казань, 1976. С. 10.

²⁴ Нигмедзянов М. Н. Татарские народные музыкальные инструменты // Музыкальная фольклористика. М., 1978. Вып. 2. С. 267.

²⁵ Его же. Народная музыка // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 449; Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 80.

²⁶ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 151.

²⁷ Чичерина С. В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905. С. 144; Охотников Н. М. Записки чувашина о своем воспитании // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1922. Т. XXXI. Вып. 1. С. 29.

²⁸ Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. С. 6; его же. Татарские народные песни. Казань, 1984. С. 13.

²⁹ Абдуллин А. Х. Тематика и жанры татарской дореволюционной народной песни // Вопросы татарской музыки. Казань, 1967. С. 65—67; Исхакова-Вамба Р. А. Народные песни казанских татар крестьянской и городской традиций. Казань, 1976. С. 43—44, 48, 63.

³⁰ Максимов С. М. Предисловие // 146 песен, записанных от Гавриила Федорова. Чебоксары; Москва, 1934. С. 5; Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашии. Чебоксары, 1961. Вып. 1. С. 23, 26, 27, 31, 32, 38; Кондратьев М. Г. К проблеме типологии ритма // Сов. музыка. 19083. № 7. С. 93, 94; Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 97—99, 101.

³¹ Альмеева Н. Ю. Указ. раб. С. 29—31.

³² Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. Казань, 1984. С. 25.